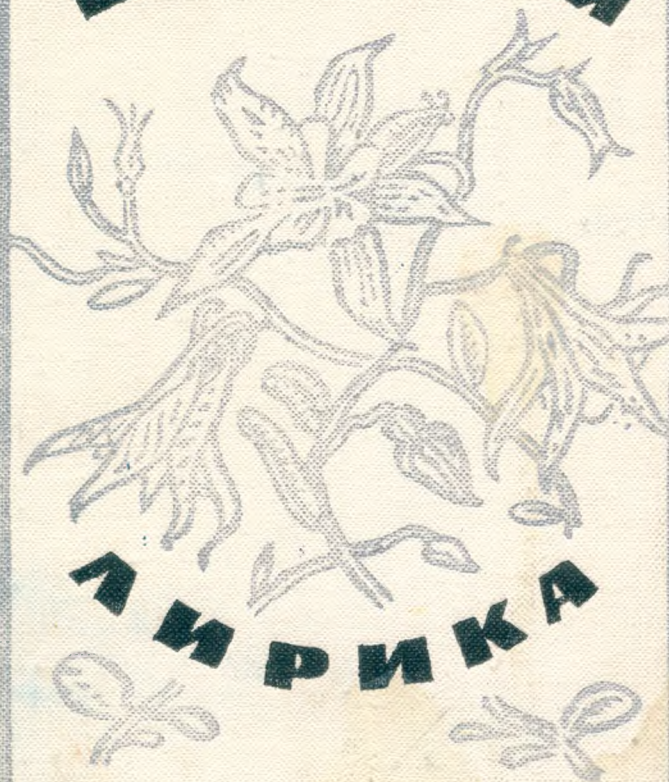

Валентин Берестов

ШКОЛЬНАЯ

ЛИРИКА

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Милой Навсане Тенгисов

на добрую память

об одной нашей

горной и, надеюсь, не

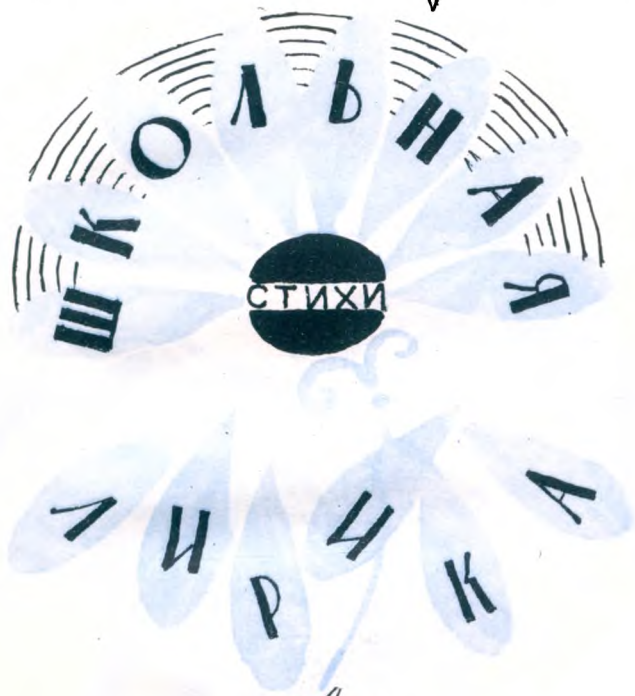
угрожающей Вам пустопе

67 лет дружы

Владимир

3. VI. 77.

Валентин Берестов

рисовал
Лев Покиманов

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

P2
Б 48

Состав. Иллюстрации. Стихотворения отмечены в содержании звездочкой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

70803—066

Б-----245—77

М101 (03) 77

От автора

На старой марке Детиздата
Девчонка с книжкой... Как мила,
Как дорога ты нам когда-то,
Девчонка с книжкою, была!

Девчонка-муза! Каждым словом
Тогда служили как никто
Тебе Чуковский с Михалковым,
Маршак и Агния Барто.

Читает маленькая муза.
Цветы касаются колен...
Но у ребят всего Союза
Ты души забирала в плен.

В одних ты пробуждала смелость,
В других — весёлость и задор.
А мне стихи писать хотелось...
Не расхотелось до сих пор.

Любили тебя без особых причин
За то, что ты — внук.
За то, что ты — сын.
За то, что малыш.
За то, что растешь.
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

РОЖОК

От пастушеского рожка
И раската пастушьей плети
На окраине городка
Приоткроют ресницы дети.

Ранний-ранний блеснет рассвет,
И сомкнутся опять ресницы,
Но тебе через много лет
Это утро еще приснится.

И разбудит тебя рожком
Тот напев, что и в самом деле
С колыбели тебе знаком
И живет в тебе с колыбели.

КОРОЛЬ ЛЮЛЮ

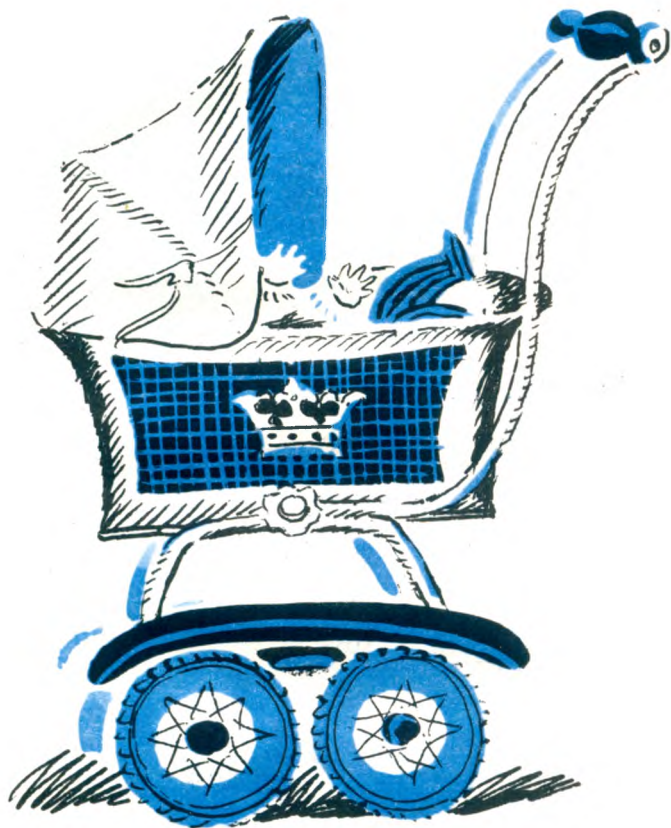
Живет на свете наш Люлю,
Не зная горя и забот.
Как подобает королю,
Он сладко ест и сладко пьет.

Когда гуляет наш Люлю,
Его в коляске мы везем,
Как подобает королю.
Ходить не станет он пешком.

Среди народа наш Люлю
Хранить умеет важный вид.
Как подобает королю,
Он пустяков не говорит.

А улыбнется наш Люлю,
Ему ответит дружный смех.
Как подобает королю,
Он рассмешить умеет всех.

Не знают Лондон и Париж
Его величества Люлю.
Но очень славный он малыш,
И очень я его люблю.

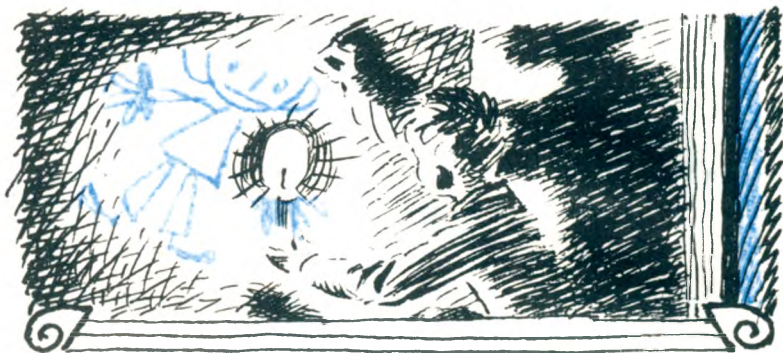
КУПАНИЕ

Схватили, разули,
Раздели тебя без стыда.
Ты брошен в корыто.
На темечко льется вода.

Ты все принимаешь,
От мыла глазенки зажмуря,
И мамины руки
Играют тобою, как буря.

О ужас и счастье
Таинственных этих минут,
Когда тебя в воду бросают
И треплют и мнут.

А ты хоть не знаешь
Причины и смысла событий,
Но веришь в добро,
Бултыхаясь в гремящем корыте.

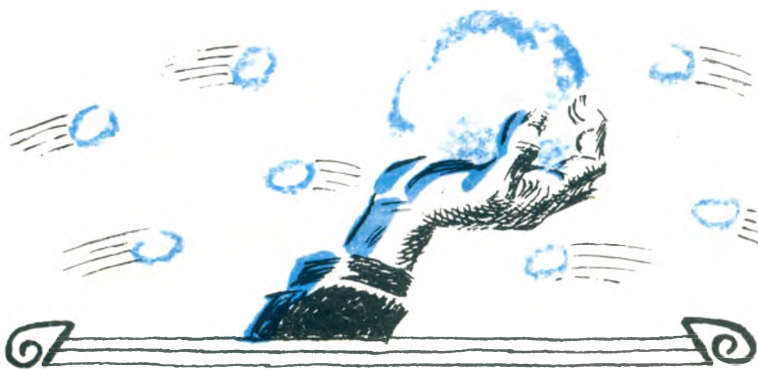
ЧЕЛОВЕЧЕК

Мальчишке четыре года.
В руке зажженная свечка.
Внутри платяного шкафа
Рисует он человечка.

Как предки во мраке грота,
Колдует он днем с огнем.
Рисует он человечка,
А вырастет — вспомнит о нем.

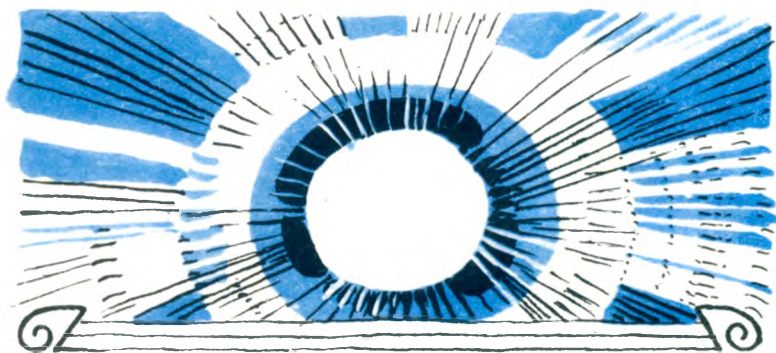
Себе самому, великану,
Малыш послание шлет.
На древний наскальный рисунок
Похож человечек тот.

Я вырос. Поехал к маме.
Гляжу, предо мною он —
Загадочный этот образ
Ушедших во тьму времен.

Нет, руки зимой не у тех горячей,
Кто клал их в карман или грел у печей,
А только у тех,
А только у тех,
Кто крепко сжимал обжигающий снег,
И крепости строил на снежной горе,
И снежную бабу лепил во дворе.

ВОРОБУШКИ

О чем кричат воробушки
В последний день зимы?
— Мы выжили!
— Мы дожили!
— Мы живы! Живы мы!

СЕРЕЖА И ГВОЗДИ

Сотрясается весь дом.
Бьет Сережа молотком.
Покраснев от злости,
Забивает гвозди.
Гвозди гнутся,
Гвозди мнутся,
Гвозди извиваются,
Над Сережей они
Просто издеваются.
В стенку не вбиваются.
Хорошо, что руки целы!
Нет, совсем другое дело —
Гвозди в землю забивать!
Тук — и шляпки не видать.
Не гнутся,
Не ломаются,
Обратно вынимаются.

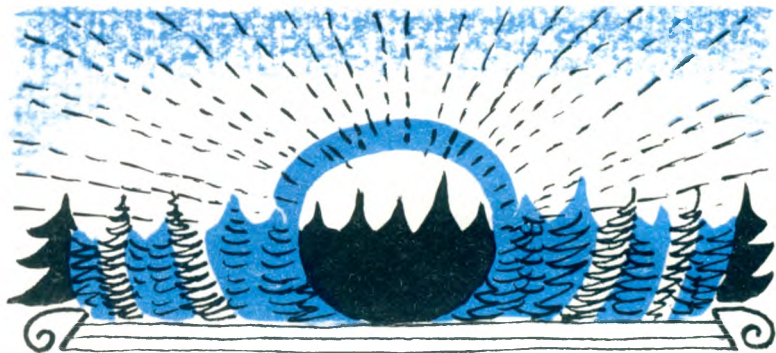

НОЧЬ УХОДИТ

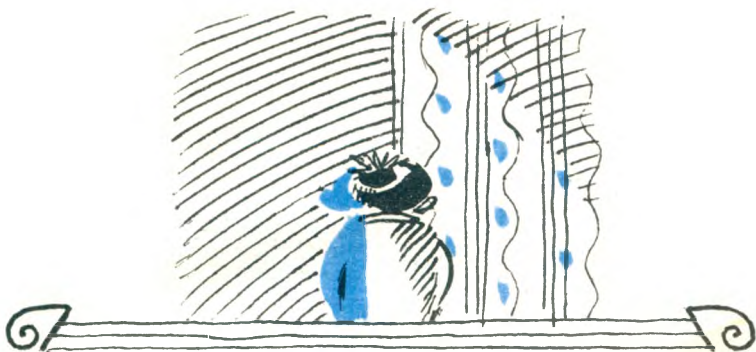
Ночь уходит на покой
И уводит за собой
И сверчка, и светлячка,
И ночного мотылька.
Те, кто ночью залетали
К нам в раскрытое окно,
Трепетали,
Стрекотали,
Где-то спят давным-давно.
Пряча в складки
Запах сладкий,
Лепесток
За лепесток,
Сам себя укрыл украдкой
И уснул ночной цветок.
Залетает сын в дупло.
Рассветает.
Рассвело.

НА РАССВЕТЕ

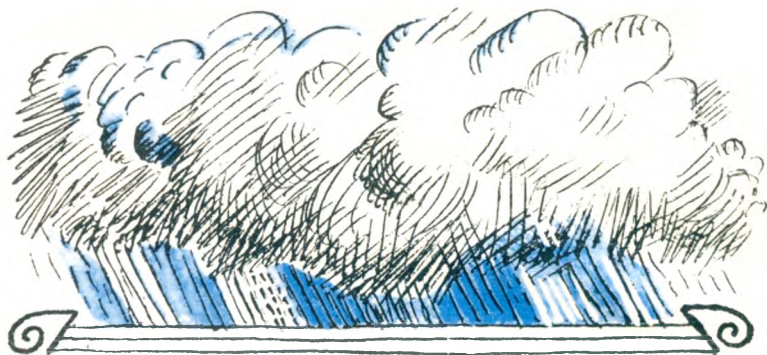
На рассвете, на рассвете
Лучший лов у рыбака.
На рассвете, на рассвете
Лучший гриб у грибника.
На рассвете, на рассвете
Птичий звон
Со всех сторон.
На рассвете, на рассвете
У лентяя лучший сон!

Все жду, когда на улицу отпустят,
Кручусь, верчусь у взрослых под ногами.
И наконец не просто отпускают,
А выгоняют из дому меня.
Беда! Мороз весну остановил!
Лопаткой лед ломаю. Каблуком
Бужу ручьи, освобождаю лужи,
Да так, что брызги ржавые летят!
И, весь в грязи, промокший и голодный,
Иду домой. Стою в углу, как веник.

ПОДСОЛНУХ

Все утро дождик. Ничего веселого.
Но есть у солнца друг. Один из лучших.
Упрямо поворачивая голову,
Он ищет солнце, спрятанное в тучах.

СНЕГОПАД

День настал.
И вдруг стемнело.
Свет зажгли. Глядим в окно.
Снег ложится белый-белый.
Отчего же так темно?

КАРТИНКИ В ЛУЖАХ

В лужах — картинки..
На первой — дом.
Как настоящий.
Только вверх дном.

Вторая картинка.
Небо на ней.
Как настоящее.
Даже синей.

Третья картинка.
Ветка на ней.
Как настоящая.
Но зеленей.

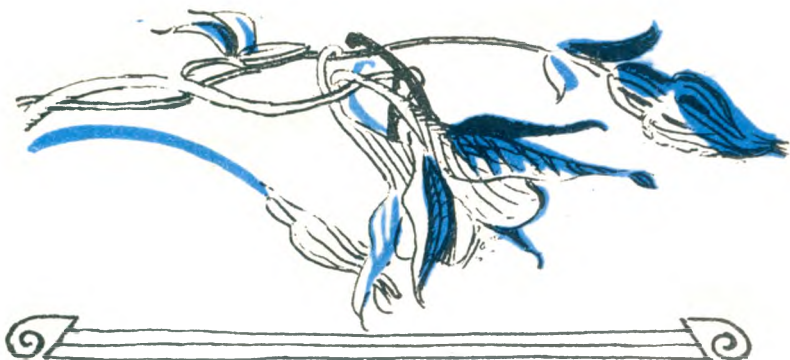
А на четвертой
Картинке
Я промочил
Ботинки.

ЧИТАЛОЧКА

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо к бабушке идти:
— Прочти, пожалуйста! Прочти! —
Не надо умолять сестрицу:
— Ну, почитай еще страницу! —
Не надо звать.
Не надо ждать.
А можно взять
И почитать!

РОДНИЧОК

Ключик, ключик, родничок,
Чистая волна!
Чей-то круглый кулачок
Звонко бьет со дна.

Ключик, ключик, родничок,
Круглая волна!
Вечный мира новичок.
Вечная весна.

БЫЧОК

Маленький бычок,
Желтенький бочок,
Ножками ступает,
Головой мотает:
«Где же стадо? Му-у-у!
Скучно одному-у-у!»

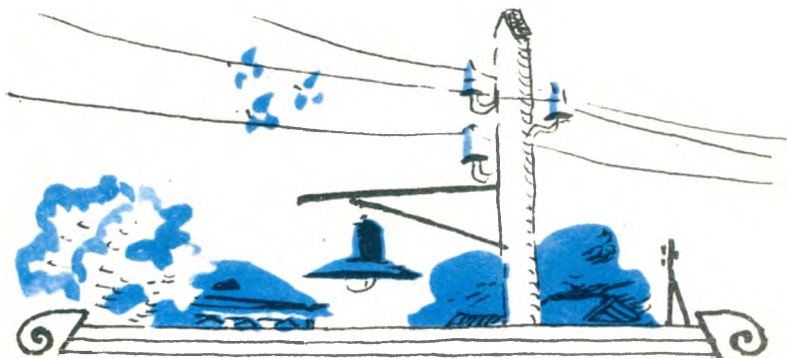

УТЯТА

Как незаметно дни летят!
И вместо радостных утят,
Отважных желтеньких малюток,
Мы видим важных белых уток.
Эти утки даже «кря»
Никому не скажут зря.

ПЕТУХ

Шагает, как Наполеон,
Красавец мой — петух.
Мне зренья услаждает он
И услаждает слух.

Он любит бой. Он любит власть.
Он грозен, как орел.
И что герою лисья пасть
И кухонный котел!

Отведать эти потроха
Мечтают все вокруг.
Но главный враг у петуха —
Другой такой петух.

НА ПРУДУ

Старуха белье полоскала.
Вальком колотила она.
И в берег мой шумно плескала,
Весь пруд обнимая, волна.

Качалась икра лягушачья.
Качались жуки-плавунцы.
И малый кораблик ребячий
Качнулся и отдал концы.

Играли в волне осоки
Своей отраженной листвою.
Сто метров от уровня моря
И тысячи верст до него.

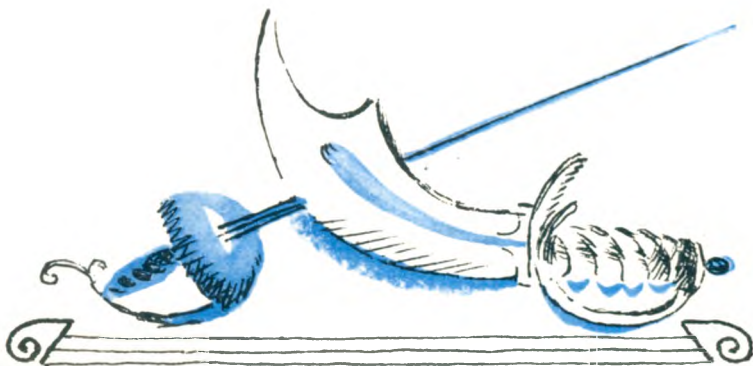

ГЕРБАРИЙ

Собирал я однажды гербарий:
Медуница с иваном-да-марьей,
Грустный ландыш с веселою кашкой,
И фиалка с высокой ромашкой,
Мать-и-мачеха с чертополохом
И подснежник с мышиным горохом
Хоть в одной расцветали округе,
Да не знали они друг о друге.
Дождь осенний за окнами хлынул,
Я сухие растения вынул,
Положил на листы полукругом
И цветы познакомил друг с другом.

БРАТЪЯ

Дом
Ходуном.
Мать ужасом объята:
— Опять дерутся!
Брат идет на брата!

И гонит нас во двор,
В толпу ребят.
Двор ходуном:
Встает за брата брат!

КУДРИ

Итак, беру я ножницы,
Гребенку и халат.
Сидит, как в парикмахерской,
Мой пятилетний брат.
И просит он все локоны
Остричь до одного,
Чтоб женщины в покое
Оставили его.

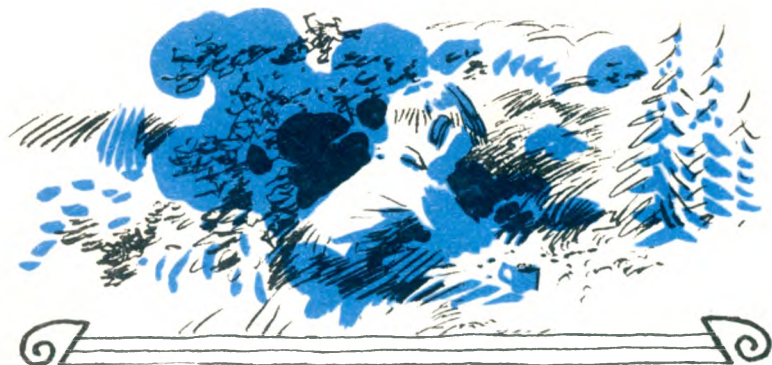

НА ПАЛОЧКЕ ВЕРХОМ

Я не на палке. На коне!!
Высокий дух кипит во мне.
Забыты камни и рогатки.
Сверкают сабли в честной схватке.
С тех пор как сел я на коня,
Честь — вот что важно для меня.
Я перерос возню и драку.
Я — рыцарь. Я скачу в атаку.

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ КАНАВА

В далекий лес ребят орава
Давно с лукошками ушла.
А малышей ждала канава.
Там тоже ягода была.

Берешь с собой стакан граненый
И пропадаешь с головой,
Счастливый, целеустремленный,
В канаве этой луговой.

Все ягоды раздашь, бывало,
Раздаришь все, что принесли,
Как будто нам передавала
Канава доброту земли.

ПРИЯТНАЯ ВЕСТЬ

— Без четверти шесть! Без пятнадцати шесть!

Хотите услышать приятную весть?

— Так что же случилось без четверти шесть?

Какая такая приятная весть?

— А то, что я сам, понимаете, сам

Умею часы узнавать по часам!

— Ты прав. Так и есть, без пятнадцати шесть!

Спасибо тебе за приятную весть!

ГДЕ ПРАВО, ГДЕ ЛЕВО

Стоял ученик на развилке дорог.
Где право, где лево, понять он не мог.
Но вдруг ученик в голове почесал
Той самой рукою, которой писал,
И мячик кидал, и страницы листал,
И ложку держал, и полы подметал.
«Победа!» — раздался ликующий крик.
Где право, где лево, узнал ученик.

КАК Я ПЛАВАТЬ НАУЧИЛСЯ

Спасибо тебе, крокодил надувной,
За то, что ты лопнул в воде подо мной!
Но вместо того, чтобы крикнуть «Тону!»,
Я взял и руками раздвинул волну,
Ударил ее, и ногами забил,
И воду локтями толкнуть не забыл.
Победой беда обернулась моя.
Я выплыл. Я плаваю. Плаваю я!

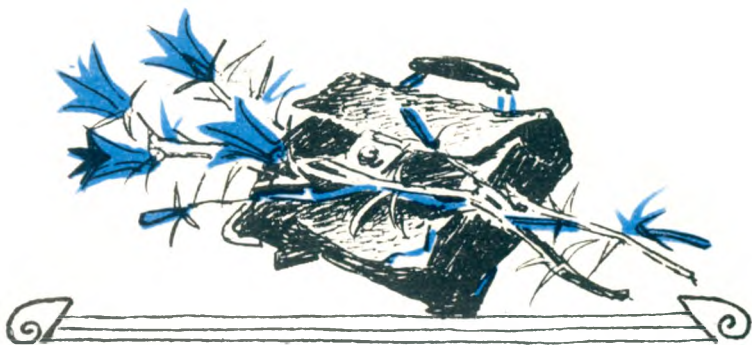

НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

Хватило мальчишеских сил —
Я реку мою переплыл.
И вот я на том берегу!
Зубами стучу на бегу.
Вступаю в неведомый край...
Ракита. Корято. Сарай.
Крапива. Горшки на плетне.
Один на чужой стороне!

Под столбом лежит ледышка.
У ледышки передышка.
Подойду к столбу и там
Вновь ледышку наподдам.
И она опять умчится.
Это я иду учиться.

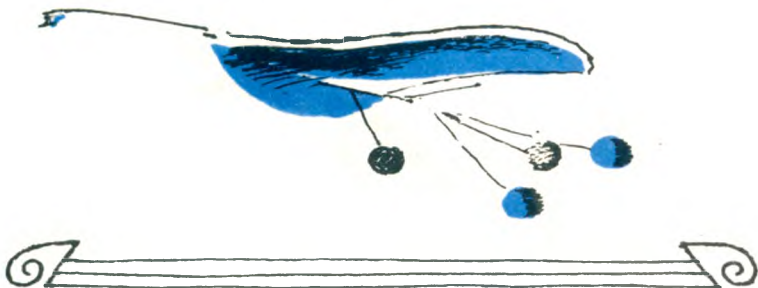

ДОКТОР ЛЕБЕДЕВ

К нам доктор Лебедев пришел.
Он шляпу снял. Он сел за стол.
Не понимая ничего,
Мы с братом смотрим на него.
Он без халата. Он с женой.
Он не спросил: «А кто больной?»
И раскрывать не надо рот,
Когда он ложечку берет.
Он просто гость. Но странный гость,
Который видит нас насквозь.

СЕМЕНА НА СНЕГУ

Здесь сучья лип чернеют строго.
Морозный блеск и тишина.
И облетают понемногу
С продрогших веток семена.

Кружат над снежною поляной
И падают, оцепенев,
И странно видеть бездыханный,
На снег ложащийся посев.

Для невнимательного взора
Природа Севера бедна.
Но разве беден лес, который
Доверил снегу семена?

Весна идет. Весна растопит
Невозмутимый белый пласт
И все, что в нем зима накопит,
Земле разбуженной отдаст.

ПОСЛЕ МОРОЗА

Снова чисто двойное стекло.
В небе сереньком столько уюта,
Но с крещенской стужей лютой
Искрометное что-то ушло.
Снег забыл, как хрустел и блестел он,
Золотился, алел, розовел,
И опять притворяется белым,
Простодушным, пушистым, несмелым,
Словно только что к нам прилетел.

Морозный день... Зато над головою.
В переплетенье сучьев, в черной сетке,
Стекая по стволам, на каждой ветке
Висит лавиной небо голубое.

И чудится: вот-вот весна начнется.
И верится: она уже явилась.
И ни один сучок не покачается,
Чтоб небо невзначай не обвалилось.

ТРИ КОПЕЙКИ

Три копейки несу в кулаке,
Связан честным мальчишеским словом,
Продавщице в пуховом платке,
Продавщице в ларьке продуктовым.

Что случится, не знаю и сам,
Но ужасное что-то случится,
Если я не отдам,
Если я не отдам
Этот тягостный долг продавщице.

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Натягиваю новую матроску,
И поправляет бабушка прическу;
На папе брюки новые в полоску,
На маме ненадеванный жакет.
Братишка в настроении отличном,
Румян, и пахнет мылом земляничным,
И ждет за послушание конфет.
Торжественно выносим стулья в сад.
Фотограф наставляет аппарат.
Смех на устах. Волнение в груди.
Молчок. Щелчок. И праздник — позади.

При встречах мы здоровались не часто.
Ребячий мир на взрослый не похож.
«Что я нашел!» звучало вместо «Здравствуй!»,
«Пойдем на речку!» вместо «Как живешь?»

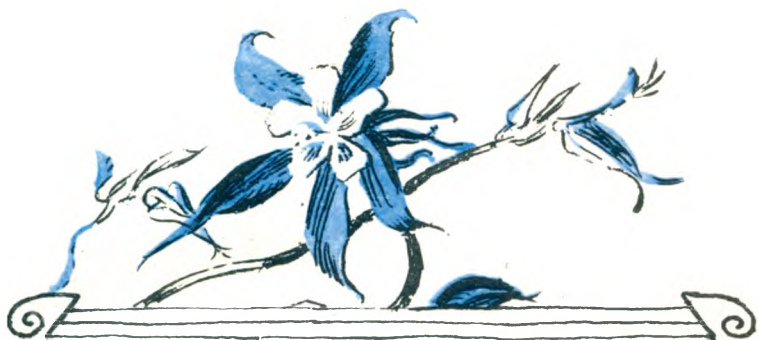
ТОПОЛЬ

Как зелен, тополь молодой,
Убор твоих ветвей!
И я люблюсь чистотой
И стройностью твоей.

Но горек твой весенний сок,
Горька твоя кора,
И горек каждый твой листок
С отливом серебра.

Ты вынес холод зимних дней
И бурю не одну,
И даже горечью своей
Приветствуешь весну.

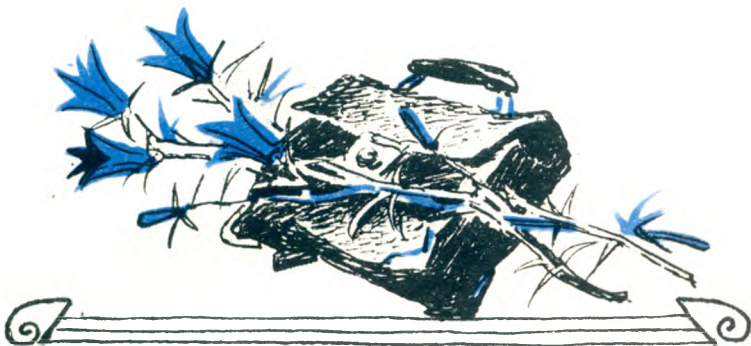

ТРОПИНКА

Тропинка-тропа, ты меня подвела.
Какою ты крепкой, тропинка, была,
Какою сухо и звонкой!
Но дождик прошел... Я повсюду брожу
И только тропинку мою обхожу
Сторонкой.

За письменным столом отца
Нам не велят играть.
Впервые на столе отца
Лежит моя тетрадь.

Одни крючочки в ней пока.
Ни слова в строчке нет.
Зажгла отцовская рука
Настольной лампы свет.

«Сиди прямой! Вот так держись!» —
Показывает мать.
И началась другая жизнь
И первая тетрадь.

Перо в чернила обмакну.
Все смотрят на меня.
Не так ли сына в старину
Сажали на коня?

Лес давно раздет. Его наряды
Тихо догорают на земле.
Деревца как будто и не рады,
Что опять купаются в тепле.

Запоздалым праздником осенним
Все они застигнуты врасплох
И глядят сквозь сон с недоуменьем
На листву, лежащую у ног.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Спит орешник у лесной сторожки.
Желтая листва лежит вокруг.
А на голых веточках сережки,
Зеленя, выглянули вдруг.

Завязались почки на сирени.
Озими так нежно зелены.
В тишине задумчивой, осенней
Бродят соки будущей весны.

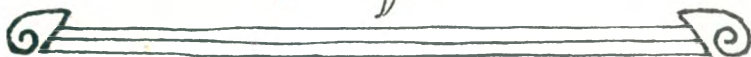

Е Ж

Прощались мы. И, дружбой дорожа
Девчонки, притулившейся в сторонке,
Ушастого пустынного ежа
Я подарить решил твоей сестренке.
Решил. Забыл. Прошли года. И все ж
Он колется, проклятый этот еж.

ВДВОЕМ

Идем лесной тропинкой в первый класс,
И паутинки задевают нас.
Колючие хвоинки сыплют ели
На наши плечи, шапки и портфели.
И, развлекая спутницу мою,
Я песни громким голосом пою
Про подвиги, про смерть на поле боя.
Но вот просвет и небо голубое,
А там и школа на краю села.
И ты свой ранец у меня взяла.
А мне еще в лесу побыть хотелось.
Так хорошо мне никогда не пелось.

ОРЕШНИК

Шла осень. Орешник
Пожух, облетел
И вдруг — вот насмешник! —
Сережки надел.

Всю зиму сережки
На ветках качал
И вьюгу в одежке
Весенней встречал.

В мороз и в метели,
И ночью и днем,
Дрожа, шелестели
Сережки на нем.

Сквозь снежную жижу
По грязному льду
Весною поближе
К нему подойду.

С сережек слетая,
Шутя с ветерком,
Пыльца золотая
Взвевется дымком.

И теплою почкой,
Как шубой, одет,
Засветится точкой
Малиновый цвет.

На кочке подснежник
Очнется вот-вот.
А все же орешник
Всех раньше цветет.

Вечер. В мокрых цветах подоконник.
Благодать. Чистота. Тишина.
В этот час, голова на ладонях,
Мать обычно сидит у окна.

Не откликнется, не повернется,
Не подымет с ладоней лица
И очнется, как только дождется
За окошком улыбки отца.

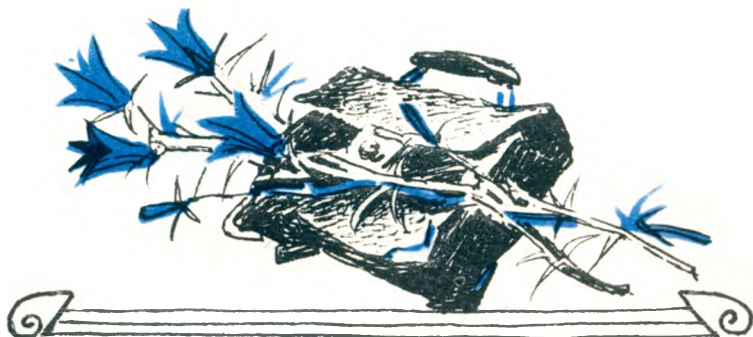
И подтянет у ходиков гири,
И рванется навстречу ему.
Что такое любовь в этом мире,
Знаю я, да не скоро пойму.

Просыпаюсь еще в темноте.
Слышу, чайник шумит на плите.
Вижу, пляшет огонь на стене.
Плачет льдистый узор на окне.
Значит, скоро и в школу пора.
В кухне звякнула дужка ведра.
«Мама, доброе утро!» И свет
Зажигается мне в ответ.

ОТРОК

Он добр, хотя суров на вид.
Он — ученик шестого класса.
На третьеклассника глядит
Он, как Маклай на папуаса.

ЛИСТОПАД НАД РЕКОЙ

Как разгулялся ветер листопада.
Сегодня он не просто рвет листву,
А гонит по реке барашков стадо,
Дает волнам морскую синеву.
И слышно, как река шуршит листвою.
А листья пеной бьются о песок.
И рядом с этой страшной синевой
Летучим дымом кажется лесок.

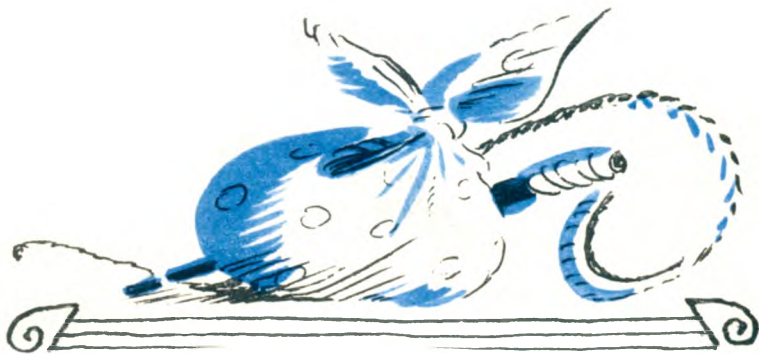

ДОЖДЬ С УТРА

Когда леса еще таят
Оцепененье ночи,
Березы тучею стоят,
Лиловые от почек.

И облака белее дня,
И чисты ветра струи,
И зеленеют зеленыя
Сквозь дымку дождевую.

БАБУШКА КАТЯ

Вижу, бабушка Катя
Стоит у кровати.
Из деревни приехала
Бабушка Катя.

Маме узел с гостинцем
Она подает.
Мне тихонько
Сушеную грушу сует.

Приказала отцу моему,
Как ребенку:
«Ты уж, деточка, сам
Распряги лошаденку!»

И с почтеньем спросила,
Склонясь надо мной:
«Не желаешь ли сказочку,
Батюшка мой?»

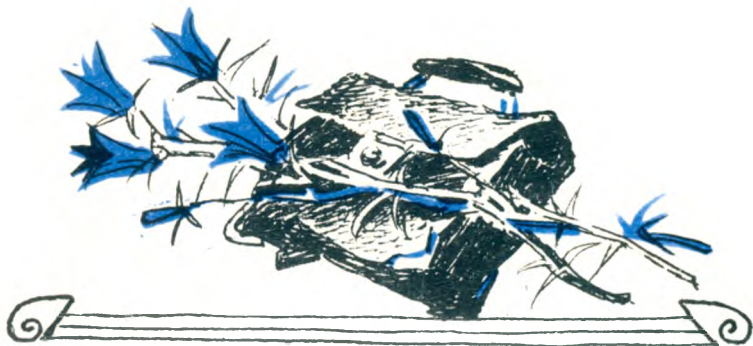

ФАНТИКИ

Собирать я начал в восемь лет
Фантики — обертки от конфет.
Полюбил я пестрые картинки
И копил их, бережно храня,
И впервые поважней начинки
Сделались обертки для меня.

Но богатства подлежат обмену,
А не то они теряют цену.
Споры, уговоры, как на рынке...
— Что глядишь? Меняйся! То на то! —
И важней начинки
И картинки
Оказалось, сам не знаю что.

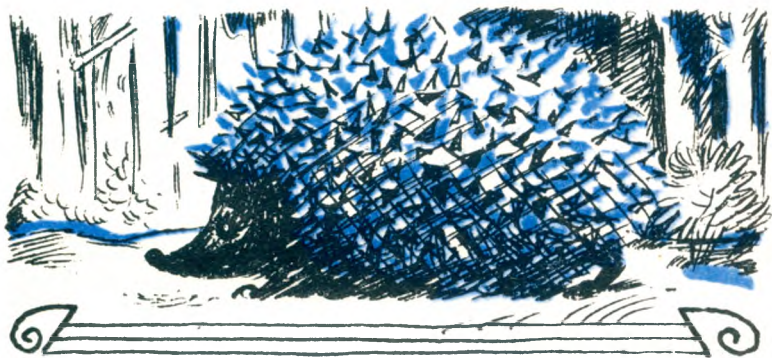

ЧТО ВСЕГО МИЛЕЕ

Что всего милее для тебя, мальчишка?
В хлебе — горбушка,
В капусте — кочерыжка,
В варенье — пенка,
А в школе — переменка.

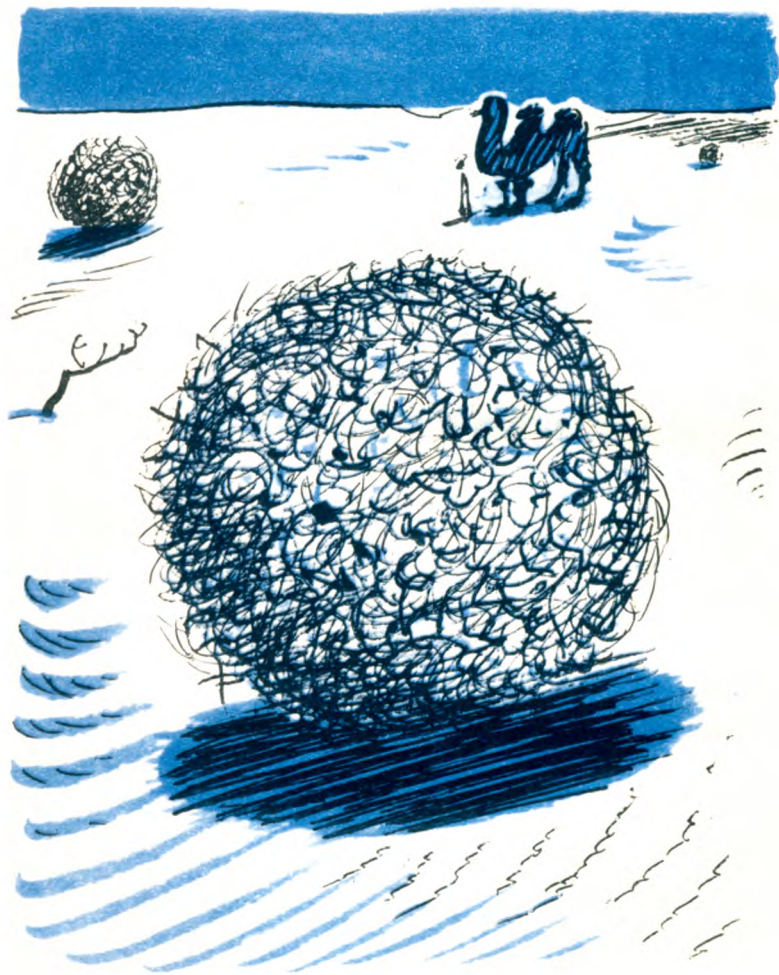

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

Он сбежал у меня на глазах.
Я его провожаю в слезах.
Мы с ежом замечательно жили,
Уважали друг дружку, дружили.
Позволял он потрогать брюшко.
Он с ладошки лизал молоко.
У него была милая рожица.
Не любил он колоться и ежиться.
Но открытой
Оставили дверь —
И сердитый
Бежит он теперь.
Как чужой, и шипит он, и колется.
Проводил я его до околицы.
И в колючей траве он исчез
И, свободный, отправился в лес.

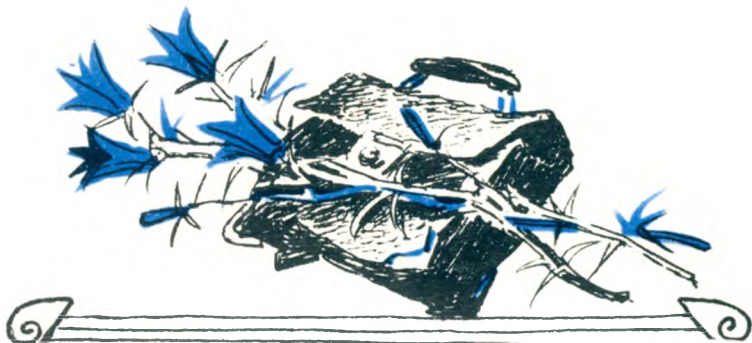
ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Вот перекати-поле,
Колючий пыльный шар.
Он лихо скачет в поле,
Хоть с виду сух и стар.

Но этот бесшабашный
Бродяга и чудак
Бежит от пашни к пашне
Совсем не просто так.

Ведь в поле опустелом
С утра и дотемна
Он занят важным делом —
Он сеет семена.

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Что важно для старших — для маленьких нет.
Мы думать не думали, сколько вам лет,
Какой у вас муж и какая получка,
И есть у вас дочка, а может, и внучка.
Легко и охотно входили вы в класс,
Любили работу.
А значит, и нас.

Т И Ш И Н А

Глядятся в воду сумрак бора.
Торжественно встает луна.
И слышу я сквозь шум мотора:
— Смотри, какая тишина!

ВЕЛИКАН

Я в детстве дружил с великаном.
Нам весело было одним.
Он брел по лесам и полянам.
Я мчался вприпрыжку за ним.

А был он заправским мужчиной
С сознанием собственных сил
И ножик вертел перочинный,
И длинные брюки носил.

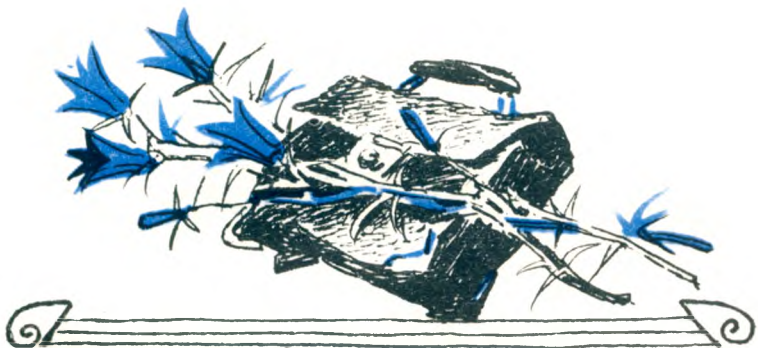
Ходили мы вместе все лето.
Никто меня тронуть не смел.
А я великану за это
Все песни отцовские спел.

О мой благородный и гордый
Заступник, гигант и герой!
В то время ты кончил четвертый,
А я перешел во второй.

Сравниются ростом ребята
И станут дружить наравне...
Я вырос. Я кончил девятый,
Когда ты погиб на войне.

РАССКАЗ ПО КАРТИНКЕ

На третьем уроке рассказ по картинке
(Висела она на доске):

Две девочки в поле бегут по тропинке

И что-то несут в узелке,

И трактор стоит вдалеке.

И каждый из нас

Составил рассказ,

Куда и зачем по тропинке

Девчонки бегут на картинке.

Звонок. Перемена. И снова звонок.

А я позабыть про картинку не мог,

Про трактор, который стоит вдалеке,

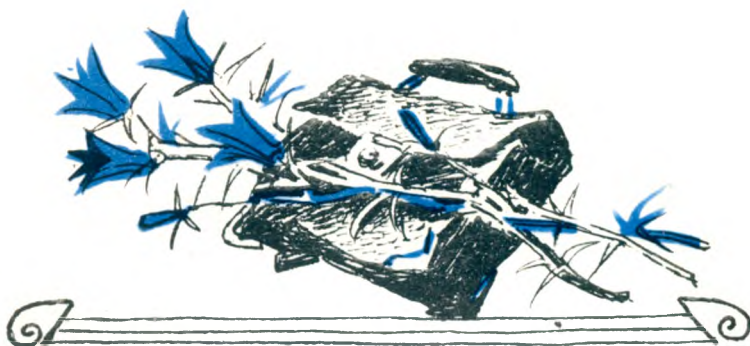
Про завтрак, который несут в узелке...

И ночью мне было совсем не до сна:

Гадал я, какие у них имена.

И кто они, эти девчонки.

Подружки? А может, сестренки?

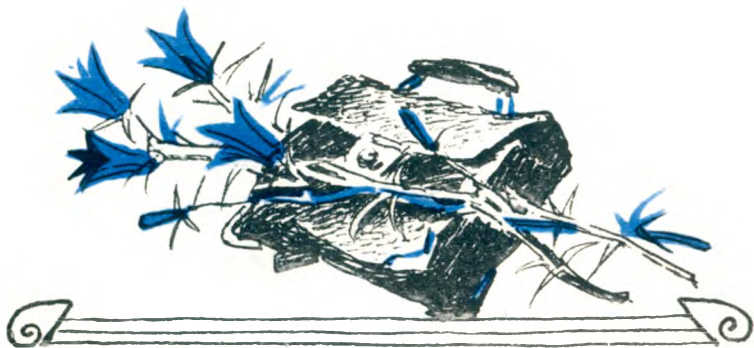

УСТНЫЙ СЧЕТ

Ну-ка в сторону карандаши.
Ни костяшек. Ни ручек. Ни мела.
Устный счет! Мы творим это дело
Только силой ума и души.

Числа сходятся где-то во тьме,
И глаза начинают светиться,
И кругом только умные лица,
Потому что считаем в уме.

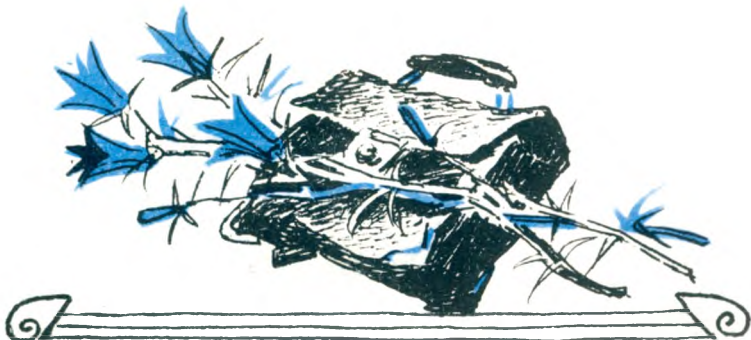

УРОК РИСОВАНИЯ

Учитель положил на стол морковку.
Раскрыл альбом прилежный ученик.
«Вон тот бочок — в тени. Дадим штриховку.
А этот — на свету. Положим блик».
Малыш трудился, не жалея сил.
Штриховку на морковку наносил.
И все ж явились рядышком с морковкой
Два зайца, пароход, солдат с винтовкой.

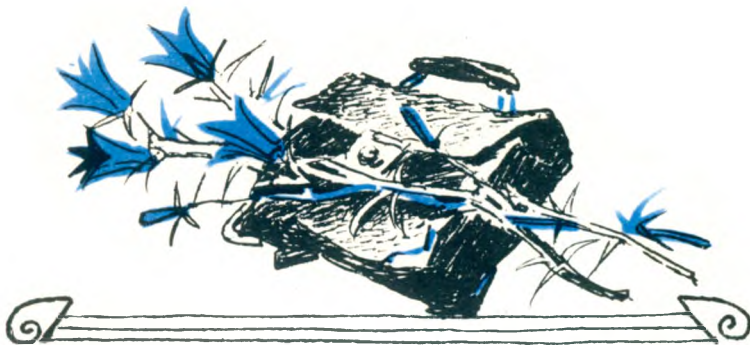

ХОДУЛИ

Несут меня ходули.
Кричат ребята: — Слазь! —
Боюсь, не упаду ли
С ходулей
Прямо в грязь.
И сразу позабудут,
Как важно я ходил.
Но долго помнить будут,
Куда я угодил.

* * *

Он руку над партою тянет и тянет.
Неужто никто на него и не взглянет?
Он — весь нетерпенье: «Спросите меня!».
Как будто, загнав по дороге коня,
Сюда он примчался со срочным пакетом,
Со срочным пакетом и точным ответом.
Не нужно отметок в журнал и в дневник,
Довольно того, что он в тайну проник,
Что чудо свершилось, задача решилась...
Спросите, пожалуйста! Сделайте милость!

П Л О В Е Ц

Мальчишка, выбиваясь из силенок,
Барахтается, борется с волной.
А мать кричит: «Утонешь, постреленок!
Куда же ты? А ну-ка марш домой!»

Но есть учитель смелый у мальчишки.
Об этом мать не знает ничего.
Он ласточкой нырнул с заветной вышки,
И на волнах увидели его.

Он сильной грудью волны рассекает,
Мелькает, пропадая вдалеке,
И никогда, быть может, не узнает
О мальчишке, стоящем на песке.

Мы учимся и в средних и в начальных.
Мы учимся у близких и друзей.
Но как бы жили мы без этих дальних,
Не знающих про нас учителей!

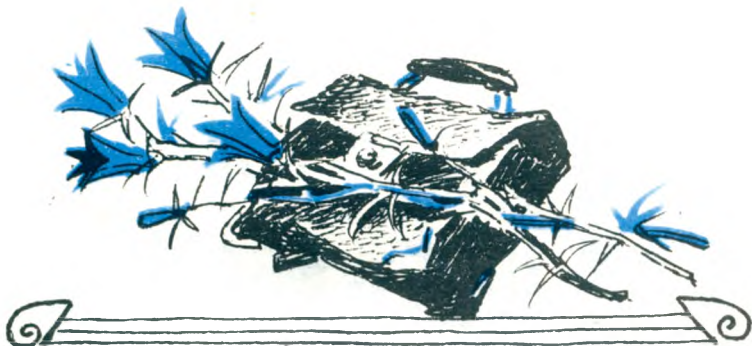

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Маленький, иду по городку,
Пятками босыми пыль толку.
Я великой страстью обуян:
Я люблю трудящихся всех стран,
И хочу, чтоб мир об этом знал,
И пою «Интернационал».

Вот сейчас бы встретить иностранца:
Итальянца, немца иль испанца.
Сжать бы руку правую в кулак
И над головой поднять вот так
И сказать «Рот Фронт!» или «Салют!»,
И они поймут меня... Поймут!

Шел в школу. И мячик на крыше сарая
Заметил. Лежит он, заброшен, забыт.
Возьму его в класс, а потом поиграю.
Сейчас он, голубчик, на землю слетит.

Швырнул в него шапку — и шапка на крыше,
Пеналом пустил — и пенал не помог.
Сам лезу на крышу... И в ужасе слышу,
Как голос судьбы, беспощадный звонок.

Домой или в школу? И дома и в школе
Твердить оправданья? Нет-нет! Нипочем!
...Сижу я на крыше с дурацким мячом,
И воля мне кажется хуже неволи.

ЛОСЬ

Слышу, хрустнула ветка,
И сразу увидел лося,
А лось увидел меня,
Стоит и не шелохнется...
И все ж на моих глазах
Теряет лось очертанья:
Ветки слились с рогами,
С кустами сливается тело,
С березовыми стволами
Уже сливаются ноги.
Лес, породивший лося,
Прячет свое дитя.

* * *

В конце припоминается начало.
Почти все лето птица промолчала.
Зато к зиме, очнувшись от забот,
По-прежнему, по-вешнему поет.

БИЛЕТ МЕТРО

Что гильзы, фантики и марки,
Значки и прочее добро!
Что все московские подарки!
Билет метро! Билет метро!

Какой подарок мне достался!
По травке мчусь во весь опор.
«Мой папа на метро катался!» —
Кричу, влетая в каждый двор.

И этот маленький билетик
С большой прекрасной буквой «М»,
Не говоря уже о детях,
Был нужен абсолютно всем.

Он так завладевал сердцами,
Как будто здесь, у старых стен,
Мерцал подземными дворцами
Московский метрополитен.

ПЕРВЫЙ ЛИСТОПАД

· Быть может, первый листопад
Встречает этот клен.
Впервые праздничный наряд
Подставил ветру он.

Надеты на его сучки
Шесть листьев вырезных.
Они красны и широки —
Совсем как у больших.

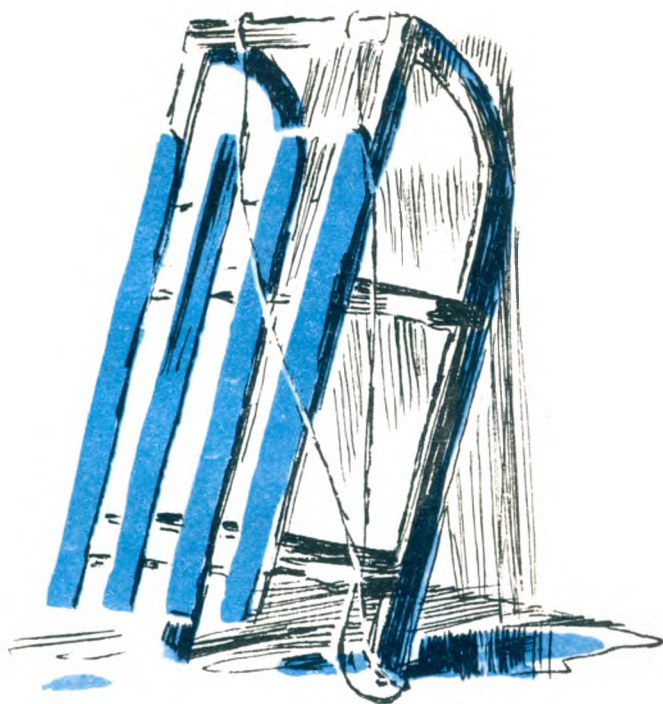

СНЕЖНАЯ ГОРКА

Ухожу. Ах, какая досада!
На прощание слух различит
В зимних сумерках шум водопада —
Это снежная горка звучит.
Развеселое разноголосье.
И визжат на морозе полозья.
Кто-то горку штурмует ползком.
Кто-то с горки летит кувырком.

В сотни раз умножается сила
У того, кто на горку ползет.
Ведь за это нам горка дарила
Вдохновенье, восторг и полет, —
Вдохновенье особого свойства —
Превращение страха в геройство.
А про то, как карабкался ты,
Забываешь, летя с высоты.

...Санки к стенке. Сажусь за уроки.
Светит лампа моя на столе.
А горящие руки и щеки
Остаются в домашнем тепле.

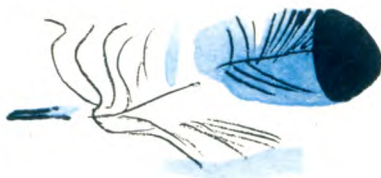

ИНДЕЕЦ

Индейцем он проснулся. Всем привет!
Он — Чингачгуку брат и Гайавате.
А где ж убор из перьев? Перьев нет.
И Гайавата вылез из кровати.

Туда, где галок слышится галдеж,
Туда, где дятел метит сосны бора. . .
Каких там только перьев не найдешь!
И день прошел. И был он так хорош,
День в поисках индейского убора.

РЫЖИК

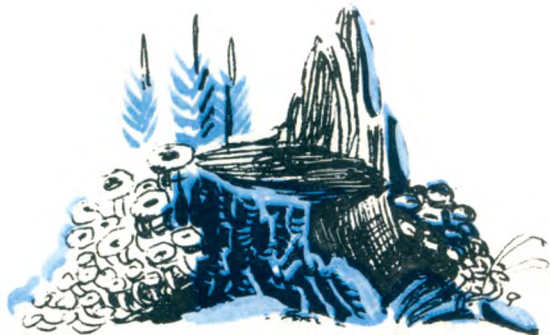
Лес тихонько увядает,
Выцветает, облетает,
Мокнет, сохнет... Но постой!
В ельнике среди старых шишек
Желтым соком брызжет рыжик.
В этот лес полупустой
Новичок молчком явился.
Здесь он жизни удивился,
Здесь он счастлив, здесь он свой,
Свежий, крепкий и живой.

* * *

Лес засыпает. Но духом грибным
Нынче по вырубкам тянет лесным.
В гроздьях опят
От макушек до пят
Пни полусгнившие жизнью кипят.

БОГАТЫРИ

На лбу бывали шишки,
Под глазом — фонари.
Уж если мы — мальчишки,
То мы — богатыри.

Царапины. Занозы.
Нам страшен только йод!
(Тут, не стесняясь, слезы
Сам полководец льет.)

Пусть голова в зеленке
И в пластырях нога,
Но есть еще силенки,
Чтоб разгромить врага.

Упрямые, с утра мы
Опять на бой, в дозор!
...От тех сражений шрамы
Остались до сих пор.

ГОРДОСТЬ

Вот девчонка грибы собирает с отцом.
Прохожу мимо них и гляжу молодцом,
И молчу... А спросить бы не худо,
Как мне выбраться нынче отсюда.
Я листвою шуршу,
Никуда не спешу.
Сам дорогу найду. Никого не спрошу.
Да и тем, что в лесу заблудился,
Я еще не совсем наслаждался.

* * *

Кому двенадцать лет, тот в детский сад
Ходил тысячелетие назад.
Об этом самом детстве золотом
Он вспоминает чуть не со стыдом.
Забуть его скорее! Ведь оно
В геройской биографии пятно.

* * *

Сияют манящие дали.
Там детство. Прекрасно оно.
А помнишь? Конфету не дали.
Опять не пустили в кино.

Все било, стрекалось, колело,
Влетало соринками в глаз.
И трудолюбивые пчелы
Безжалостно жалили нас.

И розы, прекрасные розы
В мальчишек вонзали шипы.
Бодались соседские козы.
Воняли лесные клопы.

МЕЧТАТЕЛЬ

Сажу на самой верхней ветке,
И чудится, что я в разведке
Или на мачте корабля,
Готовый закричать «Земля!»,
А ветер дерево качает.
Никто меня не замечает.
А я забрался выше всех,
И вижу всех,
И слышу всех!

ВОЕННАЯ ИГРА

Итак, я пал в сраженье. Я убит.
Одно мгновенье армия скорбит,
И без меня в атаку мчатся кони.
Я — посторонний.
Я — потусторонний.
Подумать только, боевой приказ —
И тот не властен надо мной сейчас.
И, на меня не покосившись даже,
Ползет у ног моих разведчик вражий,
Скользит змеей бесшумно, не дыша.
Я — тень. Я — отлетевшая душа.
Как все же нелегко душе героя
Таинственно парить над полем боя!

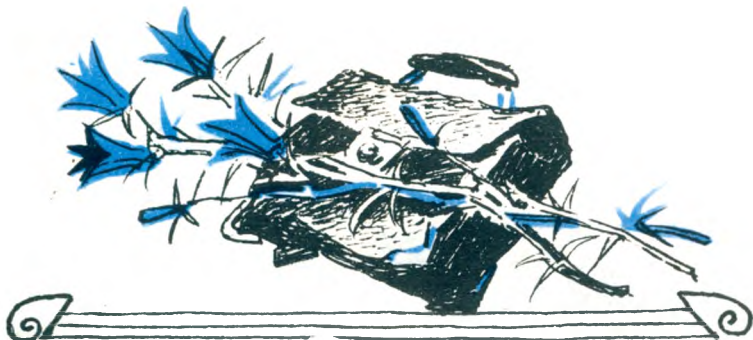

ЭКСПЕДИЦИЯ

Возьмем с собой сушеных груш
И двинемся в лесную глушь,
Одни в далекий путь.
Я у Старкова за спиной.
Спешит Красильников за мной.
Назад не повернуть.

Взлетают палки наши в лад,
И наши лыжи в лад скользят.
Все дальше, дальше дом.
Но мы — мужчины. И к тому ж
У нас запас сушеных груш.
И мы не пропадем!

* * *

Лет в десять дома, со своими,
Ты носишь собственное имя.
Но чуть на улицу попал,
Ты это имя потерял.
Здесь нет имен. Здесь носят клички.
А в школе? Тут свои привычки.
Большим тебя считают тут
И по фамилии зовут.
Итак, три звания, три роли:
В семье, на улице и в школе.

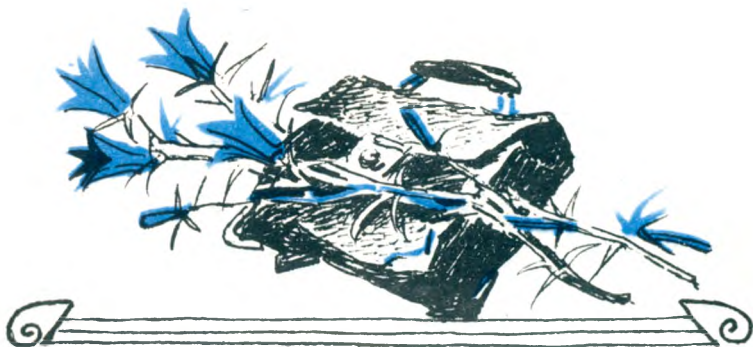

* * *

Попозже, чем скворец и грач,
За соловьями следом,
Твой детский мяч,
Веселый мяч,
Летел на встречу с летом.

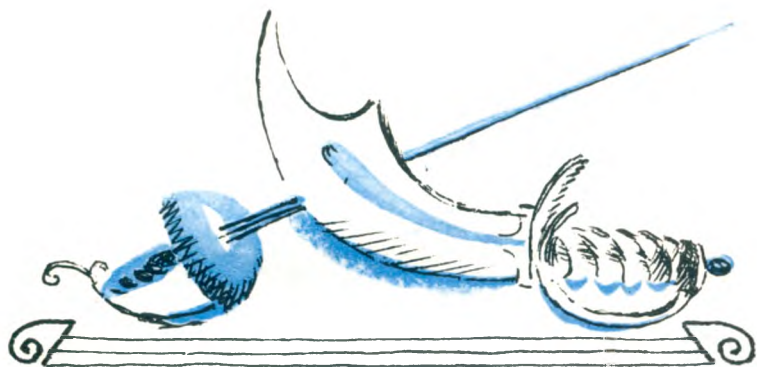
Когда мяча услышишь стук,
Забудешь все печали.
Летит! Летит! И все вокруг
Смеялись и кричали.

К тебе, босых ребячьих ног
Не чужа под собою
(С кем мячик, тот не одинок),
Друзья неслись гурьбою.

УРОКИ

Учил уроки. Повторял уроки.
Уроки сделав, на уроки мчал.
Как слушал я уроки на уроке!
Как у доски уроки отвечал!
А заслужив укоры иль упреки,
Я тут же извлекал из них уроки.
За педагогом следовал я взглядом.
Меня не отвлекало ничего.
А кто тогда сидел за партой рядом,
Пусть он простит, не слышал я его.
Ученье... Человеком правят страсти,
А я у этой страсти был во власти.
В любом из нас сидит школяр-невольник,
Боящийся, что вызовут к доске.
В любом из нас живет веселый школьник,
Чертящий теоремы на песке.
За школьный дух без примеси школярства,
Как за коня, готов отдать полцарства.

С тобой мы дружили, как дружат мальчишки,
Сражались и спорили без передышки.
Бывало, лишь только сойдемся с тобой,
И сразу у нас начинается бой.
Опять в рукопашной иль шахматной схватке
Друг друга спешим положить на лопатки.
Где меч отсверкал, там покатится мяч.
Ликуй, победитель! Поверженный, плачь!
Нам эти сражения не надоели,
Хоть каждый сто раз погибал на дуэли.
Зато сохранили мы дружбу свою.
Еще бы! Она закалилась в бою!

* * *

Легла на перекрестке
Таинственная грань.
Подросткам шлют подростки
Воинственную брань.

Один пройди попробуй
Через чужой квартал,
Чтобы тебе со злобой
Никто не наподдал.

Но вот идешь ты в тесной
Гурьбе своих ребят,
И все равно — словесно,
А все же оскорбят.

Откуда страсти эти?
Из тьмы каких столетий
Все вьется, вьется нить?
Монтекки, Капулетти,
Пожалуйста, ответьте!
Не могут объяснить.

Они! Мороз по коже.
Шаги. Шаги. Шаги.
Во всем на нас похожи,
А все-таки враги.

ПЛАЩ

Плащ — героический наряд.
Какое счастье — в плащ одетым,
С копьем, с мушкетом, с арбалетом,
Со шпагой или с пистолетом
Скакать куда-то наугад,
Чтоб развевался плащ при этом,
Как знамя, шумен и крылат.

А папин плащ? По всем приметам
К плащам, поэтами воспетым,
Он отношенья не имел.
Он, может, вился б и шумел,
Но мать о нем не забывала
И пуговицы пришивала,
Когда он, мятый и линялый,
В углу на гвоздике висел.

Зато как славно он шуршал,
Когда, поднявшись спозаранку,
Мы с папой шли и я жестянку
С червями бережно держал.
Зато на отмели не раз,
Открыв узорную изнанку,
В ковер и в скатерть-самобранку
Преображался он для нас.

ВЕСТОВОЙ

В полку Тарашанском когда-то
Комбатом служил мой отец.
Однажды, году в тридцать пятом,
Комбата проведаль боец.

Перед четвертной бутылью
И сахарною головой
Сидели, и пели, и пили
Комбат и его вестовой.

Тут мне бы забиться за печку,
Забраться под стол, под кровать,
Запомнить бы все до словечка
И внукам потом рассказать.

Что помню я? Говор крестьянский,
Махорочный дым и вино...
На фильм о войне о гражданской
Сбежал я в тот вечер в кино.

ЯРМАРКА

Ах, ярмарка! Ряды телег
На вытопанной травке.
Мороженого сладкий снег.
Палатки и прилавки.

Манящий писк «уйди-уйди».
Возы. Весы. Веселье.
Снимайся! В удочку дуди!
Кати на карусели!

Простор в круженье том живом
Гаданьям, слухам, толкам.
Была торговля торжеством.
Мешался торг с восторгом.

Пел под кувалдою металл.
Стучал кузнец, как дятел.
Я больше всех приобретал,
Хотя всех меньше тратил.

ТУРНИКИ

Всюду были турники:
Во дворах и на опушках,
В поле, в школе, у реки,
В городах и в деревушках.

И на этих турниках,
Меж столбов, полны веселья,
Перекладина в руках,
Физкультурники висели.

Добродушны и скромны,
Напрягались и взлетали.
«Это важно для страны!» —
Мы в глазах у них читали.

свой-чужой

Вот город мой теперь, а вот мой дом.
Ведь насовсем со всем своим добром
Сюда мы переехали вчера.
Стою средь незнакомого двора.
Не знает пес, что я — хозяин тут,
И я не знаю, как его зовут.
Пойду пройдуся по улице моей...
Что за народ, что за дома на ней?
Сегодня все неясно. Все не так.
Никто не друг. Зато никто не враг.
Мальчишки. Тот пониже. Тот большой.
Я, братцы, здешний. Я вам не чужой.
Девчонка. Глупый бантик. Умный вид.
И с бантиком знакомство предстоит.
Вот угол. Завернуть или опять
По улице пройтись? Как странно знать,
Что этот незнакомый город — мой,
И в незнакомый дом идти домой.

ЗРИТЕЛЬ

Пулеметчицу мама играла.
А у сына душа замирала.
До чего ж весела и смела
Пулеметчица эта была!
Мама, мамочка, вот ты какая!
Своего торжества не тая,
Всех соседей тряся и толкая,
Сын шептал: — Это мама моя!

А потом его мама играла
Дочку белого генерала.
До чего же труслива и зла
Генеральская дочка была!
Сын сквозь землю хотел провалиться.
Ведь позором покрыта семья.
А вокруг восхищенные лица:
«Не узнал? Это ж мама твоя?»

СОЛНЦЕ

Н. Грамолиной

Почему-то в детстве рисовал я
Только то, чего не мог увидеть:
Например, сражения морские;
Только тех, кого у нас не встретишь:
Например, индейцев и пиратов;
Только те края, где не был я,
То есть горы, джунгли и пустыни.
А с природы брал я только солнце
С длинными и толстыми лучами.
Были у него глаза и губы,
И они почти всегда смеялись.

СКРИП-СКРИП

Марине

Скрип-скрип. Какой печальный звук!
Скрипит под ветром старый сук.
Скрип-скрип. Вернулись из починки
И радостно скрипят ботинки.
Скрип-скрип. Кузнечик! А теперь —
Скрип-скрип — разохшаяся дверь.
Скрип-скрип — и перья заскрипели.
А скрипки? Скрипки вдруг запели.
Как-то совестно скрипеть,
Если ты умеешь петь.

ЗИМНИЕ ЗВЕЗДЫ

Ах, сколько звезд зимой в ночи морозной
Открыто детям! И еще не поздно.
Еще не скоро скажут: «Спать пора!»,
И только начинается игра.

Совсем иначе светят звезды летом.
Для малышей те звезды под запретом.
До времени они утаены.
Их видит юность. Детство видит сны.

* * *

Был и я художником когда-то,
Хоть поверить в это трудноато.
Покупал, не чая в них души,
Кисти, краски и карандаши.
Баночка с водою. Лист бумажный.
Оживляю краску кистью влажной,
И на лист ложится полоса,
Отделив от моря небеса.
Корабли дымят. Стреляют танки.
Все мутней, мутней водица в банке.
Не могу припомнить я, когда
Выплеснул ту воду навсегда.

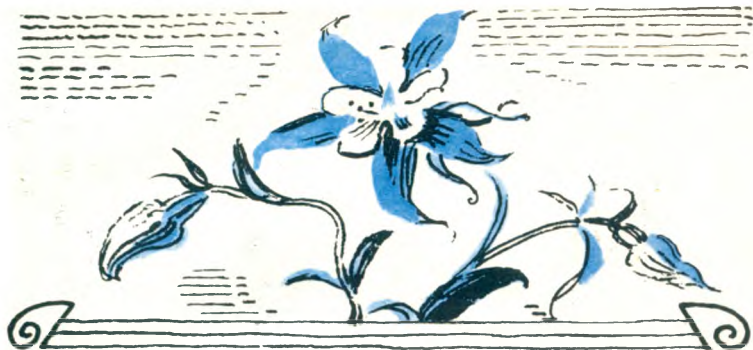

Это чудо жизни,
Этот нежный взгляд
Встретил я впервые
Много лет назад.
Встретил на уроке
В пятом классе «А»
И решил: «Стрельцова
Спятила с ума!»

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

Ты не сразу бросаешь арену
И не сразу подводишь черту.
Три попытки даются спортсмену
Для того, чтобы взять высоту.

Неудача, но ты не в убытке:
Снова близок решающий миг.
Ты готовишься к третьей попытке,
Наблюдая попытки других.

Разбежался. Взлетел. И — готово!
...Возвещая о новой борьбе,
Выше ставится планка, и снова
Три попытки даются тебе.

А не вышло (попытка — не пытка),
Стиснув зубы, готовься и жди.
И выходит, что третья попытка
Остается всегда впереди.

* * *

Опять, робея, веря и не веря,
Примчишься, под собой не чуя ног.
Не просто перед дверью, а в преддверье
Замрешь, нажать не смея на звонок.

Недолго нерешительность продлится.
Но молодость не кончилась, пока
Сначала сердце в двери постучится,
Потом к звонку потянется рука.

ЧУДО

Привычный круг. Привычная работа.
Жизнь без чудес. (К ним даже вкус исчез.)
Живешь, и вдруг тебя полюбит кто-то.
За что? Про что? Вот чудо из чудес.

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЮБИЛЕЙ

Я «Три пальмы» твои, честолюбьем болея,
Все твердил и на школьном дворе и в саду.
Я мечтал, что на конкурсе всех одолею,
И прочту их в Москве на твоём юбилее,
И поеду в Артек в сорок первом году.

Юбилей приближался, как праздник народный.
И меня обучал педагог превосходный,
Театрал, почитаемый в нашей семье,
Что по-разному скажется слово «холодный»,
Если дело о пепле идет иль ручье.

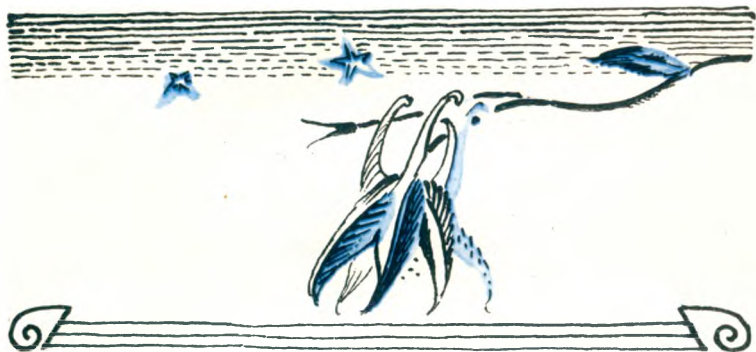
В те года (не берусь говорить о причинах)
Почему-то у нас годовщины смертей
Отмечали щедрей, и во время поминок
Все звучало живее, чем на именинах.
Праздник твой был столетием смерти твоей.

Красовались в гусарских мундирах портреты,
И все чаще тебя поминали газеты,
Шел тираж к юбилею написанных книг.
Но предчувствуя что-то, писали поэты
Про тебя, а взглядишь — про себя же самих.

И гусаром глядел ты, а не юбиларом
На подростков, читавших с почтением и жаром
Строки тех же «Трех пальм» или «Бородина».
И как некогда жизнь твоя, резким ударом
Был оборван твой праздник. Настала война.

СВЕТЛЯЧОК

У меня в руке мохнатый червячок.
Он везет зеленоватый огонек.
И зовут его ребята светлячок.
Так свети же ярче, маленький! Свети!
Жаль, что в детстве не пришлось тебя найти!
Я сказал бы: «Это мой светлячок!»
Я бы взял тебя домой, светлячок.
Положил бы я тебя в коробок
И уснуть бы я от радости не мог.
Потому ль я не нашел тебя, что мать
Слишком вовремя укладывала спать?
Потому ли, что трусливым в детстве был
И по лесу вечерами не бродил?
Нет, бродил я, злым волшебникам назло.
Очевидно, мне тогда не повезло.
...Покидая затемненный городок,
Потянулись эшелоны на восток.
Потерял я детство где-то на пути...
Так свети же ярче, маленький! Свети!

КАЛУГА, 1941

Навеки из ворот сосновых,
Веселым маршем оглушен,
В ремнях скрипучих, в касках новых
Ушел знакомый гарнизон.

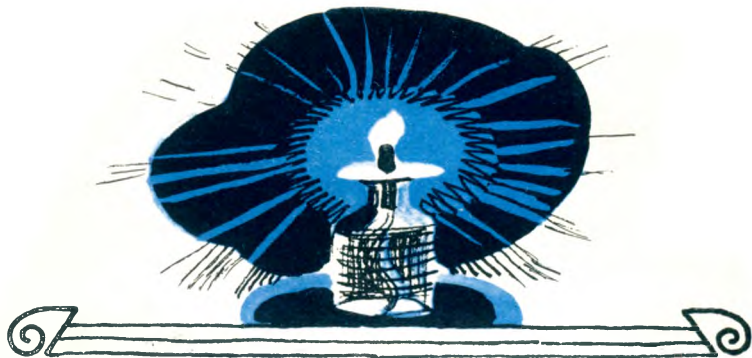
Идут, идут в огонь заката
Бойцы, румяные солдаты.
А мы привыкли их встречать
И вместе праздничные даты
Под их оркестры отмечать.

Идут, молчат, глядят в затылок,
И многим кажется из них,
Что здесь они не только милых,
А всех оставили одних.

Вот так, сложив шинели в скатки,
Они и раньше мимо нас
Шагали в боевом порядке,
Но возвращались каждый раз.

«И-эх, Калуга!» — строй встревожил
Прощальный возглас. И умолк.
А вслед, ликуя, босоножил
Наш глупый, наш ребячий полк.

МУЖЧИНА

Отца на фронт призвали.
И по такой причине
Я должен жить отныне,
Как следует мужчине.

Мать вечно на работе.
Квартира опустела.
Но в доме для мужчины
Всегда найдется дело.

Полны водою ведра.
Подметена квартира.
Посуду мыть несложно —
На ней ни капли жира.

С трех карточек талоны
Стригут мне в гастрономе.
Кормилец и добытчик.
Мужчина. Старший в доме.

Я искренне уверен,
Что стал отцу заменой.
Но в жизни той далекой,
Блаженной, довоенной,

Отец не занимался
Подобными делами.
Мать заменила папу.
Я помогаю маме.

ПОРТРЕТ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

Кукрыниксам

Тогда у нас в любом издании
И на страницах всех газет,
Пожалуй, чаще, чем в Германии,
Встречался Гитлера портрет.
Сапожки, усики и челка
И взгляд затравленного волка.

То фюрера лупил приклад,
То штык ему вонзался в зад.
... На разбомбленные кварталы,
На нас, голодных, он, бывало,
Глядит, осклабясь, со стены.
И хохотало, хохотало
Все население страны.

Может быть, взрослыми снова расстались
Двое мечтателей — я и ты,
Потому что в детстве не домечтались
До какой-то недетской общей мечты.

Ведь нас предвоенное время растило.
Дороги не вовремя нас развели.
И, может быть, нескольких дней не хватило,
Чтоб мы до нее домечтаться могли.

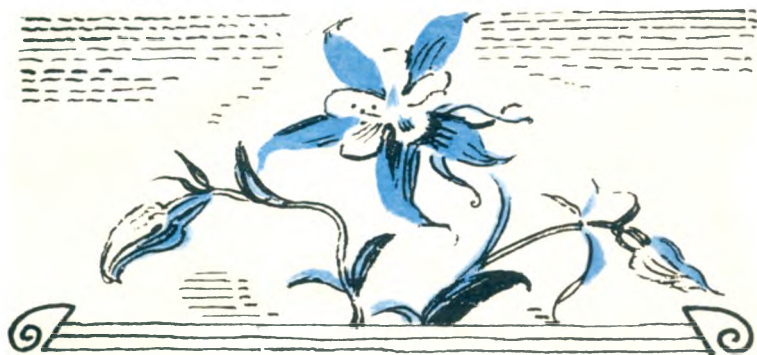
МИР

Нет, слово МИР останется едва ли,
Когда войны не будут люди знать.
Ведь то, что раньше миром называли,
Все станут просто жизнью называть.

И только дети, знатоки былого,
Играющие весело в войну,
Набегавшись, припомнят это слово,
С которым умирали в старину.

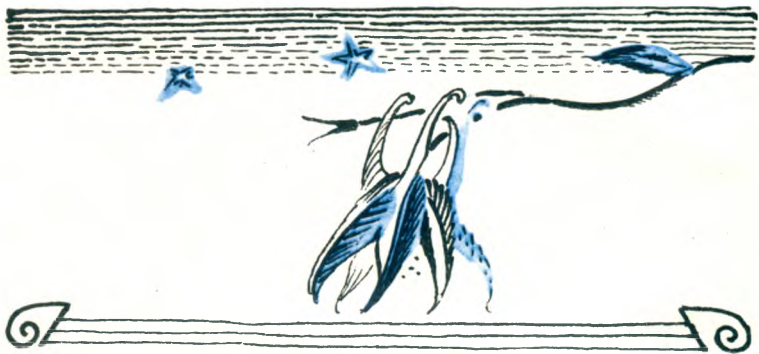

П Р Я Т К И

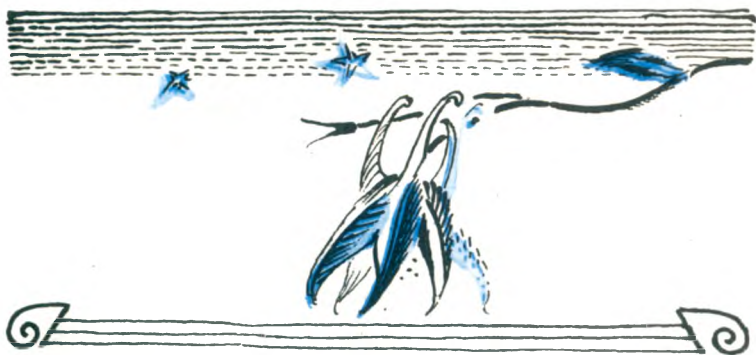
Снова, как и много лет назад,
Захожу в знакомый двор и в сад,
Двор пустой. И никого в саду.
Как же я товарищей найду?
Никого... А все же кто-то есть.
Пусто... Но они должны быть здесь.
Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать!
Я от глаз ладони оторву.
Эй, ребята! Кто упал в траву?
Кто в сарае? Кто за тем углом?
Кто там за березовым стволом?
...Я не верю в опустевший двор.
Я играю с вами до сих пор.

Полна, как в детстве, каждая минута,
Часы опять текут неторопливо,
И сердце переполнено твоё.
Любовь — замена детства. Потому-то
Насмешливо, презрительно, ревниво,
Пугливо смотрит детство на неё.

А думал я, с детством прощаясь,
Что нет возвращенья туда.
Теперь я легко возвращаюсь
В далекие эти года.

Иду к незабытому дому.
К друзьям незабытым бегу.
Но только в том мире любому
Судьбу предсказать я могу.

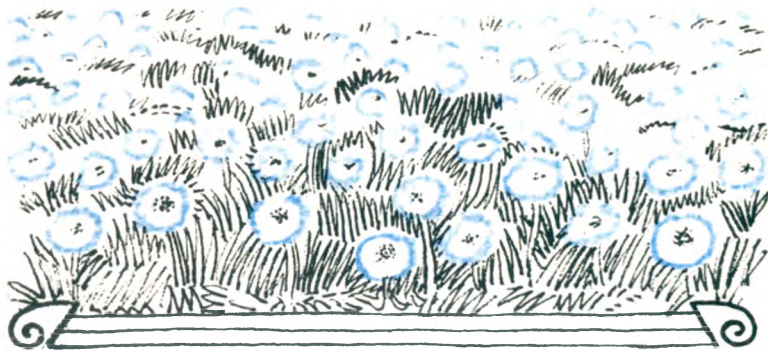

* * *

Растерянные, мы переглянулись.
Такого быть не может, не должно:
Подсолнухи от солнца отвернулись,
Когда к закату близилось оно.

А может, в том беды особой нету.
А может, верность высшую храня,
Подсолнухи готовятся к рассвету,
Чтоб встретить солнце завтрашнего дня.

ОДУВАНЧИКИ

Вот они! Молчком, молчком
Корни сок готовят белый,
Горьковатым молочком
Кормят стебель пустотелый.

Праздник солнца! Сколько вас,
Одуванчиков, у лета!
Детства золотой запас.
Неразменная монета.

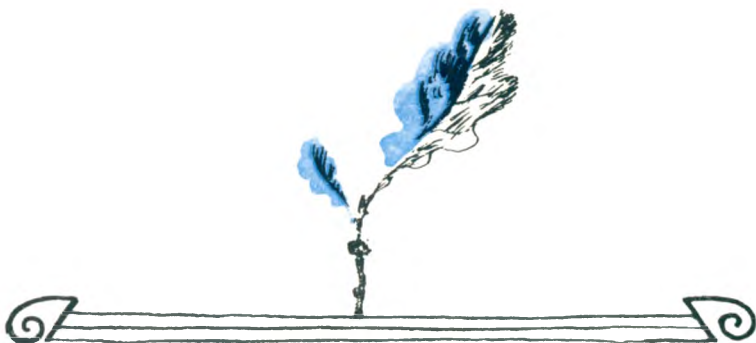
И опять молчком, молчком
Закрываются умело,
И под рыжим колпачком
Созревает праздник белый.

Вас я вижу с высоты.
А когда-то был пониже,
Много ниже, много ближе
К вам, приятели-цветы.

Обновятся все дворы,
Все лужайки до единой.
Распрекрасные шары,
Развеселые седины.

Легкий вздох иль ветерок —
Пух летит за горсткой горстка.
И останется кружок
Наподобие наперстка.

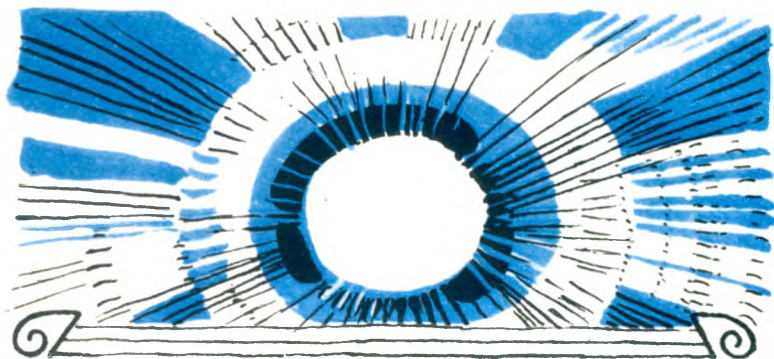

ПОД ДЕРЕВОМ

Не шевелясь, лежу под старым дубом.
Для молодых скворцов он служит клубом.
Тот громче всех кричит, а тот молчит,
Зато из клюва бабочка торчит.
Тот верещит: «Сейчас мы класс покажем!» —
И щеголяет высшим пилотажем,
А сам в листве запутался крылом.
А тот сквозь листья рвется напролом
И, примостясь на самой верхней ветке,
Изображает треск мотоциклетки.
Как весело скворцам без пап и мам!
«Сам бабочку поймал! Летаю сам!»
А дуб охотно подставляет ветки:
«Летайте, детки! Отдыхайте, детки!»
На черный ствол сквозь листья льется свет
И, до корней просвечен и прогреет,
Ликует старый дуб в одежде брачной,
Хоть цвет у дуба мелкий и невзрачный.

... Вот горстка прошлогодних желудей,
Гнилых скорлупок, черных от дождей.
Я отодвинуть их хотел рукою.
Они не поддаются. Что такое?
Пробив скорлупку, птенчики-дубки
Вонзили в землю клювы-корешки.
Мне этот дуб сегодня как подарок.
Нет, мир не только в детстве свеж и ярок.
Не любят дети прелых желудей.
А птицы улетают от детей.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Сегодня утром все следы
Покрты корочкой слюды.
Кто мимоходом след оставит,
Тот ненароком снег расплавит.
Вот заяц совершил прыжок
И каждой лапой снег прожег.
Вот след машинный, лыжный, санный
Горит окалиной стеклянной.
Так нынче движется весна:
Сначала — мы, потом — она.

* * *

Нет годовщин у ледохода.
Не знают именин ручьи.
Рожденьем чувствует природа
Рожденья прежние свои.

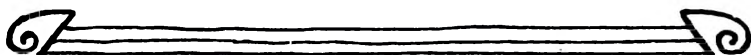
СЕРДЦЕВИНА

Как-то в летний полдень на корчевье
Повстречал я племя пней лесных.
Автобиографии деревьев
Кольцами написаны на них

Кольца, что росли из лета в лето,
Сосчитал я все до одного:
Это — зрелость дерева, вот это —
Юность тонкоствольная его.

Ну, а детство где же? В середину,
В самое заветное кольцо,
Спряталось и стало сердцевинной
Тонкое, смешное деревцо.

Ты — отец. Так пусть же детство сына
Не пройдет перед тобой, как сон.
Это детство станет сердцевинной
Человека будущих времен.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
«Любили тебя без особых причин...»	4
Рожок	5
Король Люлю	6
Купание	9
Человечек	10
«Нет, руки зимой не у тех горячей...»	11
Воробушки	12
Сереза и гвозди	13
Ночь уходит	15
На рассвете	16
«Все жду, когда на улицу отпустит...»	17
Подсолнух	18
Снегопад	19
Картинки в лужах	21
Читалочка	22
Родничок	23
Бычок	24
Утята	25
Петух	27
На пруду	28
Гербарий	29
Братья	30
Кудри	31

На палочке верхом	33
Земляничная канава	34
Приятная весть	35
Где право, где лево	36
Как я плавать научился	37
На чужой стороне	39
* «Под столбом лежит ледышка...»	40
Доктор Лебедев	41
Семена на снегу	43
После мороза	44
«Морозный день... Зато над головою...»	45
Три копейки	46
Семейная фотография	47
* «При встречах мы здоровались не часто...»	49
Тополь	50
Тропинка	51
* «За письменным столом отца...»	53
«Лес давно раздет. Его наряды...»	54
Поздней осенью	55
Еж	56
Вдвоем	57
Орешник	58
«Вечер. В мокрых цветах подоконник...»	61
* «Просыпаюсь еще в темноте...»	62
* Отрок	63
Листопад над рекой	64
Дождь с утра	65
Бабушка Катя	66
Фантики	67
Что всего милее	68
Прощание с другом	69
Перекати-поле	71
* Первая учительница	72
* Тишина	73
* Великан	74
Рассказ по картинке	77
* Устный счет	78
Урок рисования	79
Ходули	81
* «Он руку над партою тянет и тянет...»	82
Пловец	83
Первая любовь	84

«Шел в школу. И мячик на крыше сарая...» . . .	85
Лось	87
* «В конце припоминается начало...»	88
Билет метро	89
Первый листопад	91
* Снежная горка	92
Индеец	95
* Рыжик	96
* «Лес засыпает...»	97
Богатыри	98
* Гордость	99
* «Кому двенадцать лет...»	100
«Сияют маяющие дали...»	101
Мечтатель	102
Военная игра	103
* Экспедиция	104
* «Лет в десять дома, со своими...»	105
* «Попозже, чем скворец и грач...»	107
* Уроки	108
«С тобой мы дружили, как дружат мальчишки...»	109
* «Легла на перекрестке...»	110
Плащ	112
Вестовой	114
Ярмарка	115
Турники	117
Свой чужой	118
Зритель	119
* Солнце	120
Скрип-скрип	121
Зимние звезды	123
* «Был и я художником когда-то...»	124
* «Это чудо жизни...»	125
Третья попытка	127
«Опять, робя, веря и не веря...»	128
Чудо	129
* Лермонтовский юбилей	130
Светлячок	133
Калуга, 1941	134
Мужчина	136
Портрет Адольфа Гитлера	139
* «Может быть, взрослыми снова расстались...»	140
Мир	141

Прятки	143
«Полна, как в детстве, каждая минута. . .» . . .	144
«А думал я, с детством прощаясь. . .» . . .	145
* «Растерянные, мы переглянулись. . .» . . .	147
Одуванчики	148
Под деревом	150
* Предвесеннее	152
* «Нет годовщин у ледохода. . .»	153
Сердцевина	155

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Валентин Дмитриевич Берестов

ШКОЛЬНАЯ ЛИРИКА

Ответственный редактор
Е. М. Подкопаева.

Художественный редактор
В. А. Горячева.

Технический редактор
Н. Д. Лаукс.

Корректоры
Л. М. Агафонова
и Э. Л. Лоффельд.

Сдано в набор 16/VIII 1976 г. Подписано
к печати 13/XII 1976 г. Формат 70 × 108^{1/32}.
Бум. офс. № 1. Печ. л. 5. Усл. печ. л. 7.
Уч.-изд. л. 6,33. Тираж 50 000 экз. А08729.
Заказ № 253. Цена 64 коп. Ордена Трудо-
вого Красного Знамени издательство «Дет-
ская литература». Москва, Центр, М. Чер-
каский пер., 1. Фабрика «Детская
книга» № 2 Росглаволиграфпрома Госу-
дарственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Ленинград, 193036,
2-я Советская, 7.

Берестов В. Д.

Б 48 Школьная лирика. Стихи. Рис. Л. Токмакова.
М., «Дет. лит.», 1977.

159 с. с ил.

Книга новых стихов известного поэта о ярком и разнообразном мире детей
и подростков.

P2

70803—066
Б—————245—77
M101(03)77

64 卷四